

Классы с углубленным изучением литературы

Е. А. Стрелкова

Думаю, немного найдется людей, которым хотелось бы ежегодно возвращаться в школу, хотя возвращаться в прошлое, если там тебя ждут и ценят, – это действительно фантастика.

Нас, кто хочет вернуться, не очень много – конечно, не весь класс, но мы всегда чувствовали себя семьей, хотя в это трудно поверить и сразу вспоминаются шаблонные фразы о добреньких учителях. Наш учитель Зинаида Николаевна Кулакова не была «добренькой». Некоторые наши одноклассники подолгу не решались прийти на встречу с ней, может, оттого что чувствовали: «душа темна»? Когда душа светла – летишь как на крыльях, потому что наш учитель высветлял не только наш интеллект, но и нашу жизнь.

Впрочем, начну по порядку. Что привело нас в литературный класс? Подчеркиваю, *привело*, а не *привели*, хотя, наверное, кто-то попал в наш класс и так, но здесь главное – понять, что класс с углубленным преподаванием литературы надо формировать «изнутри», а не «сверху».

В эту школу нас привел интерес к литературе, о которой, как нам тогда казалось, мы знали достаточно много. Сейчас, когда прошло много лет после окончания школы, когда прочитано столько книг, наоборот, создается ощущение, что это такой малый краешек в бесконечности литературы...

У меня сохранились записи беседы с З.Н. Кулаковой и ее бывшими учениками – выпускниками классов с углубленным изучением литературы. Идея такой беседы возникла у нас в связи с интересом к проблемам гуманизации образования, с одной стороны, и с желанием сохранить уникальные традиции углубленного изучения

литературы, которые были созданы 40-летним трудом выдающегося педагога, великолепного знатока русской словесности, – с другой.

Помещение класса напоминало театр со сценой и рядами мягких стульев. Вместо голых стен – ряды книжных шкафов, портреты, картины и репродукции, оригинальные – сплошь из редких фотоматериалов – стенды, бюсты и статуэтки. Впечатление то ли рабочего кабинета, то ли вообще домашней комнаты. Все стеллажи открытые, но пыли на них никогда не было – признак непрерывной работы. Этот класс был немного и музеем (пособия, сделанные учениками прошлых выпусков, постоянно использовались в работе), и лабораторией (была собрана огромная историко-литературная картотека по темам, по писателям), и читальным залом (ребятам были доступны самые редкие книги и журналы).

...Звонок. Ребята входят без шума, без гвалта, говорят сдержанно. Короткое «садитесь» – уже в тишине... Не будем сейчас говорить о «тайне мастера» – Зинаиды Николаевны Кулаковой, заслуженного учителя школы РСФСР, учителя-методиста. Интересующимся советуем прочесть книгу журналиста И. Преловской «Учитель словесности», а пока процитируем одну из ее статей «Аршином общим не измерить»: «Полтора десятка лет бываю в 201-й. Прочла сотни сочинений учеников Кулаковой, и не только на литературные темы. Рецензии на фильмы, спектакли, выставки. С завидной свободой выражают ребята свои, незаемные мысли. В чем секрет? В том, что ученики Кулаковой приучены писать. Десять–пятнадцать минут урока – полторы-две странички текста: отзыв, ответ на вопрос. А что стоит за стерео-типными сочинениями, удручающими вузовских экзаменаторов? – немота, страх перед листом бумаги...»

Своим ученикам Зинаида Николаевна давала возможность еще в школе самым серьезным образом проигрывать роли: актера, режиссера (и даже драматурга), критика, литературове-

да-исследователя, редактора классной «Литературной газеты» (хоть она была и «Малая литературная», а работа в ней происходила весьма серьезная) и т.п. Идею школы непрерывного образования Зинаида Николаевна проводила в жизнь многие годы (с этого мы и начали наш разговор). Ученики целыми выпусками и индивидуально продолжали учиться у своего учителя.

– *Зинаида Николаевна, наверное, в классах с углубленным изучением предмета, в данном случае – литературы, существует известная направленность, которая определяется теми целыми и задачами, которые ставятся в каждом конкретном случае?*

– Конечно, мало пробудить любовь к чтению, надо прежде всего научить читать. Первая задача углубленного изучения – сделать учеников настоящими читателями. Отсюда все вытекает: и учебные задачи, и воспитательные... Именно через чтение, через умение читать мы должны воспитывать учеников.

Возьмите вы, например, такую вещь: у нас иногда обнаруживается вдруг, что наши крупные деятели культуры не являются настоящими читателями. Вот выступает доктор филологических наук с критикой романа Чингиза Айтматова «Плаха», и обнаруживается, что для него позиция Авдия Каллистратова, одного из героев романа, абсолютно совпадает с авторской позицией, тогда как на самом деле в романе этого нет. Научить ребят отличать прежде всего авторскую позицию от позиции героя, увидеть все авторские приемы, показать им своеобразие каждого писателя, причем глубоко показать, – вот в чем, собственно говоря, заключается самая большая задача воспитания. А уже результат этого – воспитание гражданина, личности высоконравственной, потому что без настоящего чтения прочных убеждений никогда не будет.

– *Круг Вашего общения поразительно широк: ведь Вы постоянно общаетесь с писателями, литературоведами, критиками, режиссерами, деятелями кино и театра, со*

своими учениками самых разных возрастов, их родителями, детьми... Список этот можно продолжать.

– Как это появилось, рассказывать долго и сложно. Не сразу это складывалось и началось еще с моих школьных лет благодаря моему преподавателю – Марии Дмитриевне Сосницкой. Затем, мое обучение в Институте истории филологии и литературы, где была великолепная среда не только для общего развития, но и для воспитания настоящего широкого кругозора и той свободы общения с людьми, которую я не видела даже в моих сверстниках. Институт дал мне ту раскованность как раз в общении с людьми, которая для углубленного преподавания литературы может быть особенно важна.

– *На Ваших уроках чувствуется, что Вы требуете, чтобы все рассуждения ученика «погружались» в какую-то серьезную фактологию, а с другой стороны, литература и история у Вас идут параллельно. Как Вы к этому пришли?*

– В школе, в средних классах, я училась у одного интересного преподавателя – Владимира Николаевича Крылова (одного из побочных потомков баснописца Крылова). Он умер очень рано, в 1938 году. Так вот, он давал нам историю без учебника, населенную живыми людьми, и когда он «оживлял» историю, нисколько при этом ее не упрощая, а давая нам представление об историческом процессе, не отрывая его от людей, – вот тут, собственно говоря, и получалось приобщение к образности исторического мышления. Мне кажется, образность исторического мышления надо постоянно воспитывать у ребят. Затем в Институте истории филологии и литературы была очень важная для нас программа: изучался курс всемирной истории, а уже после этого начинался курс литературы. Таким образом, он как бы ложился на изученный период истории, и это как раз давало возможность установления очень точной связи между самим явлением литературы и историческим процессом.

– *Это, на наш взгляд, и способно*

решить проблему «отчуждения» знания, которая сейчас так характерна для нашей школы... Вам приходится общаться с молодыми словесниками, только что закончившими институт. Что в их образовании, в их подготовке кажется Вам недостаточным?

— Я вижу два недостатка: один — слабое знание истории словесниками и слабое знание литературы историками и второй — неумение воспринимать литературное произведение именно как произведение искусства, т.е. отсутствие восприятия художественного, неумение видеть авторскую манеру, работать с текстом. Научить по-настоящему работать с текстом может и школа, и институт. Общий студенческий недостаток сейчас — удивительная ловкость в сдаче экзаменов и отсутствие настоящего, глубокого интереса к своей специальности. Сейчас единицы действительно увлечены своей специальностью. Что еще я могла бы сказать начинающему, молодому учителю (и учителю специальных литературных классов в том числе): каждый учитель, прежде чем вывесить в классе табличку «Учись учиться!», должен этот лозунг самому себе запечатлеть в душе. Если он не умеет учиться, грош ему цена! Ни один институт не может дать учителю такого количества знаний, которое необходимо хотя бы даже и на первый год работы. Приходишь в школу и видишь: одного не хватает, другого, третьего, и, безусловно, надо садиться за учение. Главный труд наш — это учение. Учиться, учиться и учиться...

— *Еще такой вопрос: классы с углубленным изучением литературы должны формировать способность читать, работать с текстом?*

— Не только. И умение писать, и читать, и работать с текстом.

— *То есть поощрение литературного творчества? В смысле рождения своих собственных интересных мыслей, искусства чтения, потребности и умения писать?*

— Классы с углубленным изучением литературы, конечно, должны способствовать развитию умения

писать. С чем это связано? Чаще всего — с самыми обыкновенными письменными работами. Что это за работы? Это сочинения на любую тему, но, как только человек ухватился за какую-то шпаргалку, это становится безнравственным, и не только безнравственным, но и в корне убивает всякую самостоятельную мысль. Причем нужно говорить ребятам: если ты делаешь речевые ошибки — пожалуйста! — делай их самостоятельно, пусть они не будут являться конгломератом из откуда-то надерганных фраз — это самые страшные речевые ошибки! А вот твои собственные речевые ошибки вполне одолимы, когда, допустим, ты не нашел нужного слова, неточно высказался. Кроме того, не надо приспосабливаться к учителю, не надо бояться своей собственной мысли, пусть даже эта мысль не совпадает с мнением учителя, — вот что нужно донести до ребят!

Тут наша беседа прервалась самым естественным образом: к учителю пришла ученица. Маша Р. спрашивает, что нужно сделать, чтобы быть допущенной к экзамену, и что ей нужно для этого сдать Зинаиде Николаевне.

— Готовься к каждому уроку, и все.

— К каждому уроку?

— Конечно, а кроме того, не забудь, что самое ценное — это когда ты руку поднимаешь...

Далее Зинаида Николаевна ведет разговор с девочкой с непередаваемым артистизмом: тут и ирония, и добродушие, и использование цитат одновременно.

Закончив разговор с Машей, Зинаида Николаевна обращается ко мне:

— Вот этот человек еще где-то на серединочке пути к самостоятельности...

— *Значит, один из ориентиров работы углубленных классов — это развитие самостоятельности в работе?*

— Безусловно. Здесь, как говорится, «ври, но говори», высказывая собственное мнение... В этом отношении очень полезны рецензии на просмотренные спектакли, кинофильмы... На книги, может быть, менее самостоятельные получают работы, потому что там

иногда можно в предисловие заглянуть, а только что просмотренный спектакль... тут ребята придерживаются таких разных мнений! И если они поверят, что за доказательную рецензию я ставлю отличную оценку, независимо от того, отрицательная она или положительная, но важно, что она доказательная, — они всегда становятся на верный путь. Вот оно и творчество начинается. А творчество в смысле создания собственных рассказов, очерков или стихов — это все-таки уже второстепенное, это кому дано, а кому не дано. Воспитывать графоманов — не наша задача. Поощрять таланты — другое дело, но только не воспитывать графоманов...

— У Вас есть знакомые писатели...

— Есть, конечно.

— Что дает ребятам знакомство с действительным творчеством?

— Были у нас встречи с Георгием Алексеевичем Скребницким, к сожалению, ныне покойным. Он рассказывал о своем творчестве, как возникли его автобиографические произведения. Ребята всегда слушали затаив дыхание, они как бы «влезали» в его авторскую лабораторию. Это очень важно для ребят. Когда к ребятам гуманитарного класса приходил Анатолий Георгиевич Алексин, они получили нечто большее: они слышали рассказ человека о его творческом пути, как он переходил от одних тем к другим, как он работал с книгами для младшего возраста, а потом начал писать книги для юношества. Они как бы проследили действительно весь путь становления, «взросления» этого детского, а затем юношеского писателя. Им была понятна связь между жизненными впечатлениями и его книгами.

— Мы знаем, что у вас в школе есть учебный театр, существуют театральные постановки. Когда мы говорили с выпускницей Вашего класса, то оказалось, что взаимопонимание между ребятами возникло именно во время работы над театральными постановками.

— Да, они как раз поставили очень интересный вечер, посвященный Сергею Есенину. Одни писали сцена-

рий, другие с большим увлечением стихи читали. Некоторые сцены из «Пугачева» взяли, мальчишки там великолепно себя проявили. Что это им дает? Прежде всего это важно в чисто познавательном отношении. Во-первых, это дополнительная работа, связанная с творчеством определенного писателя, во-вторых, это обретение свободы действий на сцене. Первый раз выходит ученик на сцену, и, как ни отработываешь с ним интонацию, у него ноги как клеим к сцене приклеены, а когда он выходит во второй раз, он обретает уже полную свободу движений. С ним уже действительно можно говорить о создании образа, о тех самых моментах чисто театральной выразительности, которая для каждого является условием раскованности и в жизни. Мы не профессиональных артистов готовим, мы воспитываем в ребятах свободу общения, свободу жеста, свободу слова и, конечно, уважение к публике, которая пришла тебя слушать, потому что если человек начинает бормотать, он явно выказывает неуважение к слушателям.

— У нас есть длинный список всего того, что Вы делаете вне уроков: вечера, экскурсии, выставки, спектакли. Какова идея такой деятельности?

— Идея — это прежде всего общее развитие, развитие восприятия прекрасного, развитие чувств и, наконец, нравственное развитие, потому что не только умение воспринимать что-то, но и просто умение вести себя на экскурсии, умение слушать — это, по существу, нравственное воспитание.

— Что можно было бы посоветовать начинающим учителям в связи с современным литературным процессом?

— Прежде всего самим надо как можно больше читать, быть в курсе современной литературы, так, чтобы не отставать от читающих ребят и уметь всегда помочь им разобраться в том, что они новое прочитали.

— За длительное время преподавания у Вас образовалось какое-то мнение о том, какая проблема является центральной в литературном обучении?

– Центральная проблема, которую на протяжении всей своей жизни решаешь, – это прежде всего проблема общения с учеником. К ней сводится все абсолютно: и эрудиция учителя, и его трудоспособность, и широта и свобода его мысли – все это главная проблема, стоящая перед любым учителем.

– Вам удается реализовать непрерывное образование? На протяжении многих лет у Вас сохраняются постоянные контакты с Вашими учениками. В чем тут секрет?

– Ну какой тут секрет – всегда готова к услугам вашим, дверь открыта – приходи в любое время, и в то же время, если я очень занята, я ни в коем случае не скрою это от ребят. Извините, ребята, в такой-то день не могу – договоримся на другой.

– В методической литературе есть деление на несколько уровней художественного восприятия. Грубо говоря, есть три уровня: первый – когда можешь воспроизвести сюжет, второй – когда связно воспринимаешь сюжет и композицию, третий – когда осознаешь авторскую позицию...

– Я начинаю всегда с третьей позиции. Говорю с пятиклассниками и обязательно даю понятие об авторской позиции, и они прекрасно могут ее понять. Как Катаев относится к Гаврику и Пете? Является ли Тарас Бульба для Гоголя идеальным героем? Это выяснение авторской позиции.

– Как соотносятся литература и человековедение?

– Литература – всегда человековедение. А как я могу при изучении «Войны и мира» не затронуть нравственный мир того ученика, который сейчас передо мной сидит? Как я могу не подсказать, что это где-то похоже на него самого? Без всякого назидания; я не буду говорить: вот у того-то ты должен учиться тому-то. А вот как это похоже на нас, а у нас в современной ситуации возможно такое? Конечно, возможно! Вот и получается человековедение.

– Мне понравилось Ваше выступление на уроке о современной литературе. Когда Вы упомянули о

современности писателей времен Туганхамона, у меня уже не возникало вопроса, современный ли писатель Гоголь! Но вот еще вопрос. Я знаю людей, которые с увлечением читают современную литературу, и это им раскованности и свободы не прибавляет. Как им помочь?

– Надо ликвидировать самые разнообразные комплексы. Они очень многообразны, особенно страшен комплекс самоедства. Вот сейчас девочка пришла. Она боится руку поднять. Почему? «А вдруг я скажу что-нибудь не так?» Надо помогать людям ликвидировать такие комплексы.

– Ваши театральные постановки раскрепощают ребят?

– Безусловно. А экскурсии, особенно дальние? Это тоже раскрепощает. Выступление с докладами перед ребятами. Вот девочка-девятиклассница сегодня сделала два сообщения о Высоцком перед другими ребятами в восьмых классах, причем я могла пронаблюдать, как она от одного доклада к другому растет. Сделала она доклад в своем классе не очень хорошо, а показали ее недостатки – намного лучше справилась во второй раз, а в третий раз – совсем хорошо. Вот и возникает раскрепощенность.

– Мне кажется, что ваша школа – школа историко-литературного образования.

– Мечтаем об этом.

Побеседовали мы и с учениками З.Н. Кулаковой.

Орлова Вера, выпускница 1980 г., редактор:

– Зинаида Николаевна открыла нам широчайший, разнообразнейший мир литературы, научила ориентироваться в нем, понимать его, сформировала круг чтения на многие годы.

Я очень любила занятия в Третьяковке. Они были для меня школой искусствоведения, помогали понять взаимосвязь всех искусств, по-новому увидеть мир живописи, его многие неведомые мне тайны.

Вспоминаются очень частые посещения спектаклей ЦДТ, где мы не только следили за театральным дейст-

вием, а старались понять его детали, работая после спектаклей над рецензиями, обсуждая их в классе.

И, конечно, навсегда останутся в нашей памяти уроки Зинаиды Николаевны, уроки литературы и уроки жизни.

Из беседы с выпускницей 1976 г. Н. Свешниковой, ныне учителем литературы:

– У Зинаиды Николаевны было совершенно фантастическое качество – она чувствовала время, она была способна все время развиваться. Как это у нее получалось? Перед нами феномен учителя. Зинаида Николаевна беседовала с учениками – у нее было развитое актерское качество – контакт с «залом», никто не оставался равнодушным, кто-то соглашался, кто-то нет, но равнодушных не было, все участвовали в мыслительном процессе. В этом была необыкновенная свобода мысли... Зинаида Николаевна много беседовала со своими учениками, порой говорила им жестокие вещи с надеждой, что в них что-то сдвинется с места... У нее были феноменальные знания – отсюда и появлялась свобода, свобода полета на уроке.

Из беседы с выпускником 1976 г. И. Горшковым:

– Зинаида Николаевна учила относиться к чтению как к труду. Причем делала это ненавязчиво. Для меня это чисто вкусовое: характеристика – что-то сухое, а у нее – пиши просто о Чичикове как о живом человеке, замена небольшая, в принципе то же самое, только немножко сдвинуто в сторону, а получается что-то уж совсем особенное... В этом есть некая «тайна мастера».

Снова вопрос выпускнице 1976 г. Н. Свешниковой:

– Мы хотели исследовать проблему существования классов с углубленным изучением литературы. Что это дает в изучении литературы?

– Широта в изучении литературы дает очень много. Она дает свободомыслие. Я только сейчас поняла, что широта литературного чтения давала нам свободу суждения о литературном процессе. Но главное – Зинаида

Николаевна воспитывала в нас привычку думать, мыслить системно, анализировать произведение, думать о том, что написано, об отношении автора, о том, как построена фраза, творчески воссоздавать мир автора, постигать его философию. Она развивала самостоятельность суждений, при этом ценилась не красота формулировки, а ее аргументированность. Все было направлено на то, чтобы личность вела себя активно. Идиллии в классе никогда не было, но средний ученик у нас все-таки тянулся к искусству. Кроме того, мы ходили на все лучшие выставки, постановки спектаклей, фильмы – жили насыщенной интеллектуальной жизнью.

Выпускники 201-й школы оказались единомышленны: «Школа нам дала не только знания. Овладевая своей профессией, мы не испытывали тех трудностей, с которыми сталкиваются многие студенты и молодые специалисты. С первых дней учебы в вузе мы могли самостоятельно подобрать нужную литературу, подготовить доклад, написать реферат или обзор по любой теме учебного цикла. Школа научила нас самостоятельно работать с книгой, ориентироваться в безбрежном море специальной литературы, безошибочно отбирать самое важное, интересное и новое. Нет необходимости доказывать, что способность самостоятельно работать с литературой, грамотно излагать свои мысли является одним из основных условий достижения профессионализма в любой области, особенно в сфере интеллектуального труда».

Надеемся, что разговор о классах с углубленным изучением предметов еще не кончается, и очень важно сегодня взять для будущих таких классов все то ценное, что бережно хранят поколения «бывшие», а может – сегодняшние, ведь они продолжают учиться, они существуют как содружества, сообщества людей, вышедших из школы с гуманитарными классами.

Елена Анатольевна Стрелкова – канд. пед. наук, учитель русского языка и литературы, г. Троицк Московской обл.